

Ложные показания обвиняемого и их оценка в уголовном судопроизводстве

Ментюкова Мария Алексеевна

Тамбовский государственный технический университет

к.ю.н., доцент кафедры «Уголовное право и прикладная информатика в юриспруденции»

Иванова Анна Сергеевна

Тамбовский государственный технический университет

магистрант

Аннотация

В статье автор исследует вопрос ложных показаний обвиняемого в уголовном судопроизводстве, выявляет причины самооговора, приводит пример оценки признательных показаний в судебном разбирательстве.

Ключевые слова: обвиняемый, ложь, полиграф, признательные и ложные показания

False testimony of the accused and their evaluation in the criminal proceedings

Mentjukova Marija Alekseevna

Tambov state technical university

candidate of law, associate Professor of the Department «Criminal law and applied computer science in law»

Ivanova Anna Sergeevna

Tambov state technical university

undergraduate

Abstract

In the article the author examines the question about the testimony of the accused in criminal proceedings, identifies the causes of self-incrimination, gives the example of the evaluation of confessions in judicial proceedings.

Keywords: the accused, lie, polygraph, grateful, and false testimony

Самым распространенным и эффективным способом получения информации при расследовании и раскрытии преступлений является такое следственное действие как допрос обвиняемого. Однако, довольно часто обвиняемый считает, что не в его интересах говорить правду и в своих показаниях искажает истинную картину происшествия. Именно поэтому главной задачей следователя является получение истинной информации от

обвиняемого, поскольку «от установления тех или иных конкретных жизненных обстоятельств зависит наступление ответственности в каждом конкретном случае» [1].

Несмотря на всю «видимую» простоту данного следственного действия, допрос обвиняемого является одним из психологически сложных следственных действий, поскольку необходимо соблюдать ряд ограничений к допрашиваемому лицу (невозможность оказания дознавателем или следователем психологического давления на допрашиваемое лицо), а также существуют ложные показания обвиняемого или самооговор.

Мотивы ложных показаний, как и самоговора могут быть различными, так иногда обвиняемый дает признательные показания о совершенном им единоличном преступлении (то есть всю вину «берет на себя»), поскольку боится мести или иного воздействия со стороны соучастников группового преступления. Не редко в практической деятельности следствия, имеет место случаи, когда обвиняемое в совершении лице, признается в совершении менее тяжкого преступления, чем было на самом деле, по причине смягчения уголовной ответственности за преступление, либо признается в совершении тяжкого преступления, чтобы избежать ответственности близкого родственника. Причины ложных показаний обвиняемого могут быть также желание скрыть интимные стороны своей жизни, стыд за совершенное преступление, «побыстрее попасть на зону» и другие.

Ложные показания обвиняемого - средство противодействия расследованию преступления. Данное отрицательное явление всегда присутствовало, присутствует и будет присутствовать в процессуальной деятельности при допросе обвиняемого.

В самом общем смысле ложь - неправда, противная истине. Данное определение не определяет сути и не отделяет ложь от других, смежных с ней проявлений неправдивой информации. Существует множество подходов к классификации лжи, например: а) по наличию либо отсутствию умысла ложь может быть: – сознательная, преднамеренная (умышленная, дезинформация), и непреднамеренная (неумышленная, заблуждение); при расследовании чаще приходится работать с дезинформацией. б) по объекту: в) по полноте: – явная (откровенная, грубая) ложь, преувеличение, и тонкая ложь.

Для того чтобы эффективно определять и преодолевать ложь в показаниях обвиняемого, необходимо знать признаки её проявления, поведенческие особенности лгущего. Научные исследования подтверждают, что в практической деятельности следователя при допросе обвиняемого встречаются четыре типа обвиняемых, ведущих себя по-разному в случае лживых показаний. К первому типу относятся обвиняемые, которые лгут по поводу и без, чувствуя при этом себя комфортно, готовые манипулировать другими людьми, чтобы получить то, что им необходимо («манипуляторы»). Ко второму типу обвиняемых относятся так называемые «актеры», то есть люди, которые искусны в регулировании своего вербального и невербального

общения, чем другие. К третьему типу относятся обвиняемые, которые чувствуют себя комфортно, когда говорят ложь и настаивают на ней («общительные люди»). К последнему типу относятся обвиняемые, чувствующие себя непринужденно, когда говорят неправду и упорнее всех настаивают на своей лжи («адаптеры»).

Ложь - есть средство манипуляции людьми путём предоставления им отличной от истины информации (дезинформации). Лжец заранее оценивает, как его ложные показания будут восприняты, оценены и впоследствии использованы следователем. Лицо, противодействуя следствию и давая заведомо ложные показания, вступает со следователем в, так называемое, позиционное противоборство; оно прогнозирует возможные действия следователя и пытается рефлексам управлять его деятельностью. Такие эмоции, как страх, гнев, злорадство, зависть, тревога, надежда, отчаяние могут спровоцировать возникновение лжи. Самой главной причиной лжесвидетельства обвиняемых как основных участников судопроизводства это намерение уклониться от наказания и возмещения причинённого своими преступными действиями вреда.

При даче ложных показаний возникает так называемый «конфликт интересов» между следователем и допрашиваемым; установление контакта между ними резко затрудняется или становится невозможным.

При выявлении лжи в процессе допроса, следователь может выбрать один из двух возможных тактических путей противодействия лжи: либо изобличить лжеца сразу, либо позволить дать ложные показания, и только после этого изобличить лжеца. Умение следователя изобличать ложь, а также психологическое состояние лжеца при допросе определяют выбор тактики ведения допроса с использованием различных приемов: приёмы эмоционального воздействия, приёмы логического воздействия, тактические комбинации.

При допросе обвиняемого следователю могут помогать при изобличении лжи телодвижения обвиняемого (например: потирание века, закрытие рта рукой, прикосновение к носу, почесывание шеи и т.д.); глаза обвиняемого (повышенная частота моргания, блеск глаз), голос (паузы в словах, заминки перед фразами, междометия).

Довольно интересным методом выявления лжи, получившим большое распространение в жизнедеятельности отдельных групп населения, а в последнее время и в следственной практике, является нейролингвистическое программирование (НЛП). Данный метод достаточно неоднозначен сам по себе и также неоднозначны мнения ученых о нем.

Методы НЛП находятся на стыке психологии, психотерапии, программирования и языкознания. Однако, применяя знания и навыки НЛП в отношении опрашиваемого (допрашиваемого) следует быть осторожным, дабы, недооценив противоположную сторону из-за чувства внутреннего превосходства, не обернуть «тайное оружие» против себя. Ведь в наш век интеграции информационных технологий и коммуникаций во все сферы жизнедеятельности трудно считать что-то тайным. Поэтому всегда нужно

учитывать то обстоятельство, что преступник может оказаться на несколько шагов дальше, хитрее, прагматичнее, чем противодействующие ему органы правопорядка. Избежать человеческого фактора призваны помочь инструментальные средства выявления и фиксации лжи в показаниях, например такие, как получивший очень широкое распространение в последнее время полиграф.

В основу достоверности выводов полиграфа положено количество фиксируемых параметров: чем их больше, тем достовернее результат. Однако и это не является стопроцентным доказательством лжи конкретного лица, ведь аппарат фиксирует повышенную эмоциональную реакцию человека, а не устанавливает причины ее проявления и, тем более, не устанавливает факт лжи; а реакция вполне объяснима: волнение перед процедурой, повышенное волнение в период прохождения процедуры, неожиданная формулировка или суть одного вопроса после серии ничего незначащих вопросов, желание поскорей закончить процедуру и как следствие необдуманные ответы на поставленные вопросы или наоборот слишком большая концентрация внимания на вопросах и желание продумать ответ и возможное последствие этого ответа и т.д.

В статье 74 УПК РФ указан «перечень доказательств, которые могут быть использованы для подтверждения обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Согласно ч. 2 ст. 74 УПК РФ в качестве доказательств допускаются: показания подозреваемого, обвиняемого; показания потерпевшего, свидетеля; заключение и показания эксперта; вещественные доказательства; протоколы следственных и судебных действий; иные документы» [2].

Следовательно, положения УПК РФ не предусматривают прямой возможности применения полиграфа в уголовном процессе. В практической деятельности судов все же существуют случаи назначения психофизиологического исследования, которые используются судом «для подтверждения своего внутреннего убеждения о виновности или невиновности лица», однако, как на доказательство по делу оно не используется. На сегодняшний день проведение психофизиологической экспертизы стало действительно популярно, с его помощью можно определить причастность или не причастность допрашиваемого лица к расследуемому уголовному делу, скрывает он или нет информацию необходимую для следствия, а также помогает выяснить, как допрашиваемый получил эту информацию. Благодаря проведению данного исследования можно успешно раскрывать и расследовать уголовные дела. Так, по уголовному делу в отношении А., было проведено психофизиологическое исследование № 520/57 от 26.02.2017 года, согласно которой с большой степенью вероятности можно предположить, что А. удары руками и ногами по голове и туловищу М.Г.Е. не наносил и действия, повлекшие надрывы кожи заднего прохода М.Г.Е. не совершал. Данное положение было приведено в приговоре, как представленное стороной защиты доказательство невиновности А.

Интересно, что в данном случае был вынесен судом оправдательный приговор, но суд не ссылался на психофизиологическое исследование в описательно-мотивировочной части приговора. Кроме того, с точки зрения нашего исследования, интерес вопрос о признательных показаниях обвиняемого, данных на предварительном следствии и каким образом они могут быть оценены в судебном разбирательстве по уголовному делу. В частности, в качестве основного доказательства в подтверждение вины А. органы следствия ссылаются на показания самого А., данные им на предварительном следствии 08.07.2016 г., 18.07.2016 г. и при проверке показаний на месте, а также на протокол его явки с повинной о том, что М.Е.В. жаловалась на то, что М.Г.Е. постоянно звонит ей по телефону и это ей надоело. Он, пообещав разобраться с М.Г.Е. 12.05.2016 г. около 23 час. пошел пешком в д. К. В доме М.Г.Е. он нанес ему один удар рукой в лицо и 5-6 ударов ногами по всему телу. М. был одет в семейные трусы. По голове удары не наносил. Домой пришел примерно во втором часу ночи.

Суд, отверг эти показания А. как недостоверное доказательство его вины, так как они не согласуются в деталях с другими исследованными в судебном заседании доказательствами. Так, А. во всех своих признательных показаниях утверждал, что к М.Г.Е. он пошел для того, чтобы разобраться с ним по поводу звонков М.Е.В. Однако в судебном заседании данное обстоятельство не нашло своего подтверждения. М.Е.В. как в ходе предварительного следствия, так и в ходе судебного разбирательства, никогда не говорила о том, что М. надоедает ей своими звонками.

Кроме того, из признательных показаний А. следует, что М.Г.Е. был одет в семейные трусы, а также то, что конфликт между А. и М. произошел на кухне в доме последнего, в ходе которого он нанес ему один удар рукой в лицо и 5-6 ударов ногами по всему телу. Однако, из протокола осмотра места происшествия от 14.05.2016 г. и плана-схемы к нему, а также протокола дополнительного осмотра места происшествия следует, что на трупе М.Г.Е. одежда отсутствует, только на ногах имеются носки черного цвета. Труп М.Г.Е. обнаружен не в кухне, а в третьей от нее по счету комнате, где и сосредоточены в основном следы преступления. Указанные протоколы объективно опровергают якобы признательные показания А. о месте и способе причинения телесных повреждений М.Г.Е. Таким образом, якобы признательные показания обвиняемого и в этой части не соответствуют фактическим обстоятельствам, происходившим в доме М.Г.Е. в момент причинения ему телесных повреждений.

Далее, из признательных показаний А. следует, что из своего дома он вышел около 23 час. 12.05.2016 г. и примерно через час пришел к дому М. Г.Е., т.е. конфликт с Мамонтовым происходил примерно в 24 часа. Однако из показаний свидетеля С. следует, что 12 мая 2016г. он пришел домой около 23 часов. Он включил телевизор, чтобы посмотреть футбол, но около 01 часа он уснул и проснулся около 03 часов от шума, доносящегося из половины дома, в которой проживал М.Г.Е. Он слышал несколько мужских голосов. К М. часто приходила его жена. За ней довольно часто приходил мужчина, но М.

не всегда его пускал. Последний раз С. видел этого мужчину за несколько недель до смерти М. А. ранее он не встречал и увидел его только на следствии. Кроме того, во время проверки голосов, он не опознал голос А., как голос, который он слышал в ночь с 12 на 13 мая 2016г. Голос М.Г.Е. он также не слышал в эту ночь, хотя из комнаты М. раздавалось не менее двух голосов. Таким образом, якобы признательные показания обвиняемого и в этой части не соответствуют фактическим событиям, происходившим в доме М.Г.Е. в момент причинения ему телесных повреждений, ни по времени, ни по обстоятельствам совершения преступления.

Вызывают у суда сомнения в достоверности признательные показания А. и в той части, когда он подошел к дому М.Г.Е. и постучал в окно веранды, а затем уходил, то видел, как в доме зажегся свет, а затем погас. Поскольку как следует из показаний свидетеля С.С.А., проживавшего на тот момент в этом же доме, и потерпевшего М.А.Е., от входной двери свет в окнах дома не виден.

Исходя из вышеизложенного нельзя признать показания А. и протокол его явки с повинной, в которых он признает себя виновным, достоверными. Так как в данных показаниях ни мотивы совершения преступления, ни время, ни место причинения М.Г.Е. телесных повреждений, а также конкретные обстоятельства совершения преступления не нашли своего подтверждения в судебном заседании.

Кроме того, утверждения подсудимого о том, что в ходе предварительного следствия на него оказывалось психологические и физическое воздействие, выразившееся в причинение 15.05.2016 г. телесных повреждений в виде перелома 9 ребра слева и заключение судебно-медицинской экспертизы от 20.06.2016 г. № 59 из которой следует, что образование закрытого перелома 9-го ребра слева у А. 15 мая 2016 г. не исключается, также вызывают у суда сомнения в достоверности признательных показаний А. на предварительном следствии. Поэтому А. был оправдан судом по основанию, предусмотренному п.1 ч.1 ст. 27 УПК РФ [3].

Подводя итог, необходимо отметить, что даже признательные показания обвиняемого могут не соответствовать действительности, поэтому они подлежат проверке и оценке в совокупности с другими доказательствами по уголовному делу. Уголовно-процессуальный закон не допускает возможность вынесения приговора только на основе признательных показаний обвиняемого. Установленная уголовно-процессуальным законом процедура расследования и разрешения уголовных дел требует установления не только добровольности, но и достоверности признания обвиняемого. Не ограничивая право обвиняемого на добровольный самооговор, закон, тем не менее, требует, чтобы виновность лица в совершении преступления была доказана по правилам, предусмотренным УПК РФ, что и обеспечивает достоверность выводов, т.е. достижение истины, соответствующей материалам уголовного дела.

Библиографический список

1. Медведева С.В. Юридические факты как основания правовой ответственности личности // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В.И. Вернадского. 2012. №С38. С.72.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. N 174-ФЗ // Российская газета. 22 декабря 2001 г. № 249.
3. Уголовное дело № 1-44/2017 //Архив Тамбовского районного суда Тамбовской области